А.Л.НИКИТИН

О КУПЧЕЙ НА "ЗЕМЛЮ БОЯНЮ"

В № 3 журнала "Вопросы истории" за 1964 г. было опубликовано сообщение архитектора-реставратора С.А.Высоцкого из Киева о находке им в Апостольском приделе киевской Софии граффито с текстом купчей, в которой речь шла о "земле Бояновой". [1] Позднее, без каких-либо дополнений, эта публикация вошла в первый выпуск свода древнерусских надписей киевской Софии, осуществленного тем же автором. [2] Вот этот текст:

"М(С)ЦЯ ЕНАРЯ ВЪ Л СТГО ИП(ОЛ)ИТА КРИЛА ЗЕМЛЮ КНЯГЫНИ БОЯНЮ ВСЕВОЛОЖАА ПЕРЕДЪ СТОЮ СОФИЕЮ ПЕРЕДЪ ПОПЫ А ТУ БЫЛЪ ПОПИНЪ ЯКИМЪ ДЪМИЛО ПАТЕЛЕИ СТИПЬКО МИХАЛЬКО НЕЖЬНОВИЧ МИХЛ ДАНИЛО МАРКО СЬМЬЮНЪ МИХАЛ ЕЛИСАВИНИЧЬ ИВАНЪ ЯНЬЧИНЪ ТУДОР ТОУБЫНОВЪ ИЛЬЯ КОПЫЛОВИЧЬ ТУДОРЪ БЪРЗЯТИЧЬ А ПЕРЕДЪ ТИМИ ПОСЛУХЫ КУПИ ЗЕМЛЮ КНЯГЫНИ БОЯНЮ ВЬСЮ А ВЪДАЛА НА НЕИ СЕМЬДЕСЯТЪ ГРИВЬНЪ СОБОЛИИ А ВЪ ТОМЬ ДРАНИЦЬ СЕМЬСЪТУ ГРИВЬНЪ"

С.А.Высоцкий перевел его следующим образом:

"Месяца января в 30, на святого Ипполита, купила землю Боянову княгиня Всеволодова, перед святою Софиею, перед попами, а тут были: попин Яким Домило, Пателей Стипко, Михалько Неженович, Михаил, Данило, Марко, Семьюн, Михал Елисавинич, Иван Янчин, Тудор Тубинов, Илья Копылович, Тудор Борзятич; а перед этими свидетелями купила княгиня землю Боянову всю, а дала за нее семьдесят гривен собольих, а в этом (заключается) часть семисот гривен". [3]

Отсылая интересующихся к первоисточнику, напомню лишь основные выводы первооткрывателя. Изучение палеографических особенностей надписи привело Высоцкого к выводу, что наиболее вероятным временем ее возникновения является вторая половина XII в., хотя написание отдельных букв характерно и для второй половины XI в. Поскольку преобладающее количество аналогий указывало, как полагал Высоцкий, на XII в., то решающим аргументом в пользу третьей четверти

этого столетия стало упоминание "княгини Всеволодовой", которую автор отождествил с Марией Мстиславной, вдовой князя Всеволода Ольговича, умершей в 1179 г., чье имя известно по Густынской летописи. Подтверждение такому решению он находил и в других именах, содержащихся в тексте. Так одного из "Тудоров" он полагал "Тудором, тиуном вышгородским", одного из Михаилов - "митрополитом киевским", "попа Семьюня" -"духовником киевского князя Ростислава Мстиславича", а "попина Якима Домило" - ставленником Всеволода Ольговича, туровским епископом Акимом, "имя которого читается в летописи (Ипатьевской. - А.Н.) под 1144 и 1146 гг." [4]

Далее, Высоцкий специально останавливался на рассмотрении слова "драницъ" (винит. падеж мн. числа), до этого не известного в памятниках древней письменности. Отказавшись от грамматически точного прочтения всей фразы и опираясь на фиксируемое надписью соотношение 70 и 700 гривен как 1:10, исследователь пришел к заключению, что речь идет об уплате церковной десятины от сделки соболями. [5]

Что касается Бояна, то, упомянув о бытовании такого имени на Руси, Высоцкий допускал, что продаваемая земля могла когда-то принадлежать поэту XI в., известному из "Слова о полку Игореве", хотя "ко времени написания граффито Бояна уже не было в живых, но память о нем и местах, связанных с его именем, могла сохраняться в народе." [6]

В.П.Адрианова-Перетц, в одной из своих работ остановившаяся на находке Высоцкого, полностью приняла такую интерпретацию текста, пополнив и развив аргументацию исследователя. По ее мнению определение "Якима Домило" "попином" связано с тем, что после сведения туровского епископа Акима с кафедры в 1146 г. он был "уже не епископ, но и не простой поп", поэтому его именовали "только по происхождению: "попин" - из попов". Она считала вполне вероятным,

что речь идет о земле того самого Бояна, которого вспоминал автор "Слова о полку Игореве", и видела в нем "гусляра в колпаке, в длинной вышитой рубахе", которого "богато одаряли, и что среди этих даров были и земли, которые потомки продали в семью князей-покровителей их знаменитого предка". 7

Более внимательно к находке С.А.Высоцкого подошел Б.А.Рыбаков. Опираясь на палеографию, историк категорически отверг датировку первооткрывателя, указав на черты, характерные для второй половины XI в., а точнее - для его последней четверти. Еще более важным для определения даты и понимания текста оказались его наблюдения над именами свидетелей с "женскими" отчествами - Михаила Елисавинича и Ивана Янчина. Первого из них Высоцкий не касался, а во втором видел "попа Янчина (т.е. Андреевского. - А.Н.) монастыря" в Киеве. Рыбаков справедливо посчитал этих людей священниками, связанными с великокняжескими семьями: Михаила - духовником вдовствующей княгини Елисавы, матери Святополка Изяславича (умерла 4.I.1107 г.), а Ивана - духовником княжны Янки, дочери Всеволода Ярославича (умерла 3.XI.1112 г.).

Соответственно, и "княгиня Всеволодова" оказывалась не вдовой Всеволода Ольговича, а женой Всеволода Ярославича - Анной. Последнее обстоятельство объясняло выступление клира киевской Софии в качестве гаранта сделки и участие в ее заключении духовников великокняжеских семей, которых определять по именам их духовных дочерей можно было лишь при жизни последних. 8 Тем самым, по количеству и характеру исторических реалий дата надписи, предложенная Рыбаковым - 80-е гг. XI в. - оказывается гораздо более аргументированной, чем предложенная Высоцким.

В отличие от Высоцкого, Б.А.Рыбаков полагал, что "семьдесят гривен собольих" являются не процентами ("десятиной"), идущими в храмовую казну, а задатком от общей суммы в семьсот гривен, кото-

рая была сопоставима с доходом (или стоимостью) с семи небольших городков. В социальном положении это приравнивало Бояна к боярину

"Следует отметить, - писал Рыбаков, - что Бояня земля покупается неизвестно у кого: ее владелец (к моменту купли) не указан. Вероятно, сам Боян к этому времени уже умер, но его имя осталось за его (может быть, выморочной?) землей. Не этим ли объясняется то, что запись о купле сделана так всенародно у самого входа в Софийский собор?" И тут же добавлял: "Текст граффито сам по себе не дает нам права отождествлять Бояна-песнотворца с Бояном-землевладельцем, но хронологическое препятствие теперь устранено: последняя припевка Бояна относится к 1083 г., а Бояня земля могла быть куплена уже в 1086 г." 9

Как можно заметить из такого краткого обзора, предыдущие исследователи уникального граффито рассматривали лишь отдельные его компоненты, но не весь текст в целом, упустив из виду, что перед ними юридический документ, составлявшийся в строгом соответствии с "формуляром", требовавшем указания не только объекта сделки и покупателя, но также и его продавца, без чего сделка не могла считаться действительной. Равным образом, каждое слово такого акта имело строго определенное значение, не допуская иных толкований, а порядок указания имен свидетелей ("послухов") определял их роль и полномочия. При этом стоит иметь в виду, что покупке "земли Бояна" придавалось совершенно исключительное значение, поскольку написанная на пергамене и скрепленная печатями присутствующих лиц купчая была продублирована на фреске св. Онуфрия в главном соборном храме Киева.

Б результате, без ответа остались следующие вопросы: 1) кто же продавал "землю Бояню", 2) кем были поименованные в тексте "послухи", 3) почему для обозначения покупки использованы два разных глагола - "крити" и "купити", и 4) каковы были финансовые расчеты

при заключении сделки? Попробуем в них разобраться.

Основную трудность вызывает определение продавца земли, имя которого должно находиться в синтагме "землю княгыни Бояню Всеволожаа", выступающей в первом случае с глаголом "крила", а во втором (без упоминания "Всеволожаа") – с глаголом "купила". Следуя нормативам древнерусского языка, С.А.Высоцкий разделил ее на две части ("землю Бояню" и "княгыни Всеволожаа"), каждая из которых грамматически согласована, хотя в тексте они переплетены между собой. Основание для такого их расчленения является сочетание "княгини Всеволожаа" (именит. падеж ед. числа), выступающее в качестве подлежащего. Сомнение вызывает два обстоятельства: нахождение слова "княгыни" внутри синтагмы "землю... Бояню" и повторение такой же синтагмы без имени "Всеволожаа" в конце купчей. Как я уже упоминал, с точки зрения формуляра отсутствие имени продавца делает купчую недействительной, в то время как имя покупателя, обозначенное в начальных строках акта, в дальнейшем может уже не повторяться.[10]

Другими словами, было бы логично в синтагме "землю княгыни Бояню" видеть указание на продавца ("княгиня Боянова"), если форму "княгыни" рассматривать не как именительный падеж единственного числа, а как винительный при исходном не "княгыни", а "княгыня". Сложность заключается в том, что, начиная с Изборника Святослава 1073 г., где на миниатюре находится древнейшее из пока известных написание "княгыни" (именительный падеж ед. числа),[11] и до XVI в. родительный падеж единственного числа этого существительного представлен формой "княгыне" (или "княгыня") за одним, впрочем, примечательным исключением: в договоре Игоря с греками 945 г. при перечислении послов указан "Искусеви, Ольги княгини".[12] Последнее позволяет предположить древнейшую форму этого слова в именительном падеже единств. числа как "княгиня". Больше того, наблюдения над

склонением существительных этого типа ("земля", "княгыни") в новгородских берестяных грамотах открывает существование норматива, дающего в родительном падеже единственного числа такую же форму - "господыни" (грамота № 84), "полтини" (грамота № 354) и т.д. [13]

Такое решение вопроса весьма соблазнительно, поскольку в этом случае Боян оказывается "князем", что, в свою очередь, соответствует оценке его земельных владений Б.А.Рыбаковым. Однако, обращение к заключительной фразе купчей убеждает, что "семьдесят гривен собольих" являются ценой "всей" Бояновой земли, поскольку следующая синтагма "а в томь драниць семьсъту гривьнъ" недвусмысленно указывает, что гривны эти являются эквивалентом семидесяти гривен собольих. Другими словами, в тексте купчей оговорен курс "собольих" гривен при пересчете на курс "драничных" гривен, которые относятся к первым как 10:1. Что собой представляли "драницы" - неизвестно, как неизвестно реальное содержание "собольих гривен", можно только утверждать, что они не были равны "гривнам серебра", которые имел в виду Рыбаков.

Аналогичную оговорку в отношении эквивалента можно видеть в купчей конца XIУ - начала ХУ в. Михайловского Архангельского монастыря на Двине, где отмечено, что "дали... семь рублев, а по сту белки за рубль". [14]

В целом же "земля Бояна" оказывается много дешевле, чем предполагалось ранее, тем самым ее оценка никак не может служить аргументом в пользу княжеского достоинства ее владельца, хотя отбрасывать такую возможность не приходится, и вот почему.

До находки С.А.Высоцкого имя "Боян" было известно на территории Восточной Европы только из "Слова о полку Игореве" (Боян - поэт второй половины XI в.), "Задонщины" (куда он попал из "Слова..."), и по двум письменным источникам, связанным с Великим Новгородом -

"рядной" Тешаты и Якима (1266-1291 гг.), в которой Боян упомянут среди "послухов" [15], и по Новгородской Первой летописи, в которой дважды упоминается "Боянова улка" в связи с церковью св. Димитрия - первый раз в 1300 г. в связи с ее постройкой, а несколько лет спустя - в связи с ее пожаром. [16] В последние десятилетия при раскопках Новгорода было найдено три берестяных грамоты с именем двух Боянов, один из которых жил, вероятнее всего, в 1065-1117 гг. (грамота № 526), а другой - в 1150-1181 гг. (грамоты №№ 509 и 516). [17]

Отсутствие имени "Боян" в корпусе древнерусской книжности XI-XУП вв. и дошедших от этого времени документов официального характера как нельзя лучше свидетельствует о малой распространенности этого имени в среде восточнославянских народов, и, наоборот, имя это оказывается чрезвычайно популярно у южных славян, в первую очередь у болгар, где оно широко бытует в качестве антропонима с глубокой древности и по настоящее время.

Пришедшее в болгарскую (славянскую) среду от древних тюрок, имя "Боян" имело определенное сакральное значение [18], бытуя в среде староболгарской знати и более узко - в царской семье. Имя "Боян" носили: 1) сын хана Кубрата (УП в.) [19] 2) болгарский хан, заключивший в 764 г. мирный договор с Византией [20], 3) брат хана Омортага, казненный в 833 г. за приверженность христианству [21], 4) сын того же Омортага [22] и 5) Боян-Вениамин, сын царя Симеона. Последний для нас особенно интересен. По словам кремонского епископа Лиутпранда, посетившего в 949-950 гг. Константинополь, т.е. почти четверть века спустя после упоминаемых им событий, Боян-Вениамин получил блестящее образование в византийской столице, прославившись как поэт, музыкант и - волшебник, который по своей воле мог превращаться в волка или другого хищного зверя. [23] Подобная характеристика, приуроченная к имени Бояна, поразительным образом совпадает с тем, что двести с лишним лет спустя писал автор "Слова о

полку Игореве" о своем предшественнике, который чаровал слушателей игрой на гуслях и "растекался... серым волком по земле и сизым орлом под облаками".

Случайно ли такое совпадение? Если на его основании Ю.Венелин, а вслед за ним и Вс.Миллер, склонны были видеть в Бояне "Слова..." воспоминание о Бояне-Вениамине, заимствованное из болгарского источника [24], то реальный русский поэт, писавший во второй половине XI в. об усобицах "ярославлих внуков", вполне мог быть прямым (хотя и далеким) потомком сына царя Симеона, уехавшего из Болгарии на Русь, только не в результате русско-болгарских войн второй половины X в., как о том писали Н.Балабанов и В.Цундев [25], а значительно раньше. Подобная ситуация могла иметь место, например, в 20-х гг. X.в. в связи с женитьбой русского князя Игоря, если вернуться к так и не решенному вопросу о болгарском происхождении русской княгини Ольги.

Между тем, об этом вполне определенно писали не только архимандрит Леонид (Кавелин), открывший прямое на это указание в летописном тексте [26], но Д.И.Иловайский [27] и М.Н.Тихомиров [28]. В таком случае Боян-Вениамин Симеонович оказывается родным братом Ольги и наиболее вероятным отцом того самого "племянника" ("анепсий"), который сопровождал русскую княгиню во время ее поездки в Константинополь. [29] Сама же ситуация позволяет прояснить многие иначе необъяснимые факты русско-болгарских и русско-византийских отношений, в том числе "дунайские" походы Святослава, когда русский князь выступает не столько завоевателем, сколько соправителем болгарского царя при проведении внутренней и внешней политики в Первом Болгарском царстве. [30]

Потомки Бояна-Вениамина могли и в дальнейшем проживать в Киеве, войдя в среду местной земельной знати (боярства), обладая богатством и занимая достаточно независимое положение в киевском обществе,

К слову сказать, именно они могли быть ладельцами роскошных книг из библиотеки царя Симеона, с которых в 70-е гг. XI в. были сняты копии известного "Изборника" 1073 г., "Евангелия Константина Преславского", Чудовской рукописи со "Словом Ипполита папы Римского" и ряда других. [31]

Сходную характеристику Бояна-поэта можно составить и по "Слову о полку Игореве". Несмотря на попытки представить Бояна песенником-гусляром, развлекавшем дружинников на княжеских пирах [32], большинство серьезных исследователей "Слова..." полагало Бояна именно поэтом, писавшем свои произведения, что не мешало ему исполнять их под аккомпанимент гусель, подобно тому, как труверы и миннезингеры аккомпанировали себе на лютне или других музыкальных инструментах.

Признание литературного характера творчества Бояна позволяет понять, с одной стороны, возможность активного использования (и цитирования) его произведений спустя столетие автором "Слова...", а с другой - увидеть в усвоенных им отрывках из произведений Бояна заимствования последнего из произведений его предшественников (так называемый "дунайский пласт" исторических реалий и реминисценций). Они свидетельствуют о высокой эрудиции поэта XI в., усвоившего не только византийскую образованность, но, как показывают отрывки эпоса о Всеславе, глубокое проникновение в сокровищницу общеславянского эпоса, откуда в "Слове..." появились и архаические персонажи древнеславянской мифологии, вызывающие интерес и удивление исследователей. [33]

Приводя эти факты, я отнюдь не ставлю вопрос о тождественности Бояна купчей и Бояна "Слова о полку Игореве", однако параллели достаточно ярки и красноречивы, чтобы задуматься о вероятности одновременного существования во второй половине XI в. в Киеве двух разных людей, обладавших одним именем и сходными чертами биографий.

Впрочем, упоминание имени Бояна в контекстах "Слова..." и купчей оказывается любопытно еще с одной стороны - на сей раз со стороны социального этикета.

Я уже говорил, что безусловной заслугой Б.А.Рыбакова следует считать выделение им двух послухов с "женскими" отчествами, как духовника вдовствующей княгини Елисавы (Михаил Елисавинич) и духовника княжны Янки Всеволодовны (Иван Янчин).[34] Будучи связаны с великокняжескими семьями, оба они выступали при совершении сделки, скорее всего, от лица покупателя, жены Всеволода Ярославича. Факт этот, сам по себе достаточно интересный, позволяет при дальнейшем анализе расчленить аморфную массу "послухов" на три функционально самостоятельные группы: I) собственно "послухов", представителей софийского клира, 2) лиц, представлявших интересы покупателя и 3) представителей продавца. Поскольку со второй группой мы уже знакомы благодаря Б.А.Рыбакову, остаются первая и третья группа.

В переводе и истолковании Высоцкого первая группа, состоящая из священников ("попы"), представлена людьми, названными то по именам то по именам с отчествами. Между тем хорошо известно, что духовные лица, начиная с диакона и кончая митрополитом, в древней Руси назывались только по имени. Высоцкий произвольно объединил их имена и был прав только выделяя из общей массы "попина Якима", открывающего перечень свидетелей, но не потому, что он был "сведенным епископом", а потому, что состоял благочинным (протоиереем) церкви св. Софии.[35] Следом за ним по именам названы остальные попы - Домило, Пантелей, Степан, Михаил, Данило, Марк и Семен. Исключение составляет "Михалько Нежьнович", названный за Степаном, поскольку этим определением требовалось отличить его от следующего за ним попа Михаила указанием на молодость ("Михалько") и, повидимому, целибатом, который в то время допускался православной церковью.

Оставшиеся, таким образом, "послухи" - Тудор Тубмнов, Илья Копылович, Тудор Борзятич - образуют компактную группу и, в отличие от попов, названы не только полными именами, но еще и с отчествами. Последнее указывает на их высокое социальное положение, позволяя считать их боярами. Поскольку из произведенного членения явствует, что только они могли представлять интересы продавца, последний должен был занимать такое же или еще более высокое общественное положение, чем его представители. Однако, у Бояна нет отчества - ни в "Слове...", ни в тексте купчей. Если в первом случае его социальный ранг достаточно неопределенен, то в официальном юридическом документе XI-XII вв. без отчества могли фигурировать 1) слуги, 2) духовные лица и 3) князья. Отнесение Бояна купчей к первой категории невозможно по социальному положению представляющих его интересы лиц и по отсутствию уменьшительного суффикса, наличествующего даже в имени одного из попов ("Стипько"); отнесение его к духовенству невозможно по причине "мирского" имени. [36] Таким образом, остается только третий вариант, который находит косвенное подтверждение в социальном ранге представителей Бояна и в специфике их имен, принадлежащих к той же этнической общности, что и имя "Боян".

Действительно, хотя имена эти - "Тудор", "Илья" - можно обнаружить в письменности XI-XII вв., в целом они более характерны для южных, чем для восточных славян. [37]

Так получается, что даже если вернуться к первоначальному прочтению С.А.Высоцким синтагмы, заключающей в себе объект сделки, имя продавца и покупателя ("землю княгыни Бояню Всеволожаа"), анализ остального текста все равно ведет к заключению о высоком социальном статусе Бояна и его связям с болгарским этническим массивом в Киеве XI в. Факт этот в высшей степени интересен как с точки зрения культурных связей киевской Руси, в том числе и в истолкова-

нии фактов, связанных с Ольгой и Святославом, так и в плане событий второй половины XI в.

Сведения, содержащиеся в "Слове о полку Игореве" о Бояне (а теперь нет никаких оснований продолжать игнорировать этот источник), рисуют поэта XI в. сторонником Святослава Ярославича и его сыновей, Романа и Олега, в их борьбе против Всеволода Ярославича и Владимира Мономаха. [38] Естественно, что после победы над племянниками (1079 г.) и с началом единоличного правления в Киеве Всеволод Ярославич мог почувствовать неудобство существования "идейной оппозиции" и предпринял меры к удалению Бояна. Не эта ли интрига завершилась данной купчей, в которой специально оговаривается покупка "всей" земли, т.е. без остатка, где бы тот ни находился?

Все это, не более, чем предположение. Обстоятельства, вынудившие Бояна и его семью расстаться с наследственным владением, могли быть самыми разными, начиная от смерти Бояна (поскольку существует вероятность, что продавцом выступал не он сам, а "княгиня Бояннова"), отъезд семьи в Константинополь или на Дунай, где в 80-е годы XI в. в связи с внутренними потрясениями Византии активизировалось патриотическое движение болгар, и кончая отъездом Бояна из Киева к вернувшемуся с Родоса Олегу Святославичу. Однако факт ликвидации наследственного владения налицо и его наиболее вероятной датой мне представляется отрезок времени между 1079 г. (битва на Нежатине Ниве) и 1086 г. (пострижение Янки в Андреевский монастырь), хотя верхняя граница может быть и несколько большей.

Мне представляется, что именно политическая подоплека отторжения "Бояновой земли" от его бывшего владельца заставила поместить "противень" подлинной купчей на одной из фресок главного храма Киева, призвав (во избежание возможных потом протестов) гарантом сделки софийский клир во главе с его благочинным, а вовсе не прак-

тика "утверждения земельных актов церковью", как посчитал Я.Н.Щапов, предположивший даже, что "пергаменного экземпляра (грамоты. - А.Н.) могло не существовать". [39] Присутствие соборных попов в качестве "послухов" никоим образом не дает основания для такого утверждения, тем более, что в самом тексте документа можно найти прямое указание на функцию свидетелей, подтверждавших не столько факт продажи земли, который, в отсутствие продавца и покупателя, осуществляли представители обеих сторон, сколько достигнутое соглашение о ее цене. На последнем стоит остановиться особо.

В купчей при изложении сделки нотарием использовано два глагола - "крити" и "купити" - до последнего времени воспринимаемых лингвистами, как равнозначные, что отмечено во всех словарях древнерусского языка и в словоуказателях к текстам. Действительно, при наличии одного только глагола"крити" ("Шед на търг крити себе ризу" [40]) замена его глаголом "купити", вроде бы, смысла не меняет. Но, исходя из предположения о жесткости формуляра купчей и особого, как можно убедиться, значения этой сделки, следует полагать, что между указанными глаголами существует определенное смысловое отличие, а сами они отражают разные этапы одного процесса.

Глагол "купити", как явствует из его положения в конце акта, употреблен для указания завершения сделки, ее итога, выраженного передачей денег представителям продавца перед свидетелями. Но сделке, как известно, предшествует торг и сговор, что описано с помощью глагола "крити" в первой фразе купчей. Именно для этой, важнейшей части сделки, и требовались свидетели достигнутой договоренности. Поэтому мне представляется, что глагол "крити", будучи юридическим термином, имел значение "сторговаться", "договориться" о цене" (стоит вспомнить, что в прошлом еще веке "рукобитье", скреплявшее договоренность между продавцом и покупателем, обязательно накрывалось полой одежды). В данном случае речь шла о том,

что представители сторон "перед святой Софией и ее клиром" сторговались о цене земли. Достигнутую договоренность и фиксировали "софийские попы" во главе со своим благочинным. Стоит заметить, что приведенный выше пример из словаря соответствует как раз такому значению: некто "шел на рынок сторговать себе одежду".

Теперь, с учетом возможных вариантов, объяснительный перевод записи о продаже "Бояновой земли" можно представить в следующем виде:

"Месяца января 30 (числа), в день святого Ипполита, перед попами святой Софии княгиня Всеволодова сторговала землю Бояна (вариант: "(княгиня) Всеволодова сторговала землю княгини Бояновой"). При этом присутствовал протопоп Яким, (попы) Домило, Пантелей, Степан, Михалко "неженатик", Михаил, Данило, Марк (и) Семен, (тогда как со стороны покупателя были поп) Михаил (духовник княгини) Елисавы (и) Иван (духовник княжны) Янки, (а со стороны продавца были) Тудор Тубынов, Илья Копылович (и) Тудор Борзятич. И перед этими свидетелями княгиня (Всеволодова) купила землю Бояню (вариант: "(княгиня Всеволодова) купила землю княгини Бояновой") всю (т.е. без остатка). А за нее отдала семьдесят собольих гривн, которые равны семистам "драничным" гривнам."

Предлагаемый перевод, как и толкование текста, носят, конечно же, не окончательный характер: купчая на "землю Бояна" является древнейшим документом частного акта Руси, не имея аналогий на протяжении почти трех последующих веков. Мы не знаем ни формуляра таких актов, ни денежного обращения той эпохи ("драницы", "гривны собольи", "гривны серебра" и пр.), ни особенностей синтаксиса и грамматики подобных актов, ни практики помещения "противней" на стенах общественных зданий и храмов. Дошедшие до нас письменные памятники всего этого не знают, и остается надеяться на археологов и реставраторов, в руках которых может оказаться схожий мате-

риал, который позволит уточнить или пересмотреть предлагаемое прочтение. Точно также остается только гадать о событиях, которые привели к этой сделке, и о задействованных в ней лицах.

И все же можно утверждать, что купчая на "землю Бояна" даже на этой стадии ее исследования является исключительной важности документом для истории киевской Руси второй половины XI в. Во первых, это древнейший известный нам земельный акт, дошедший в "противне" своего времени, который знакомит нас с процедурой сделки, ее оформлением, участием представителей сторон и привлечением в качестве свидетелей духовных лиц, причем количество последних - 9 человек во главе с благочинным Якимом - отличается от установлений византийской Эклоги [41], но соответствует рекомендациям "Закона Судного людем" [42], что особенно интересно в связи с признанным юго-славянским (болгарским) происхождением последнего.

Во-вторых, купчая знакомит нас с именами попов софийского клира 80-х гг. XI в., с духовниками великокняжеских семей этого времени и с фактом исполнения ими весьма щекотливых - повидимому - посреднических функций в такого рода сделках, где наиболее вероятно замешана политика. В третьих, документ сообщает нам о проживании в Киеве на положении независимых землевладельцев и в окружении двора потомков болгарских царей, одним из которых был, повидимому, Боян, вынужденный уступить свое наследственное владение жене великого киевского князя.

До сих пор единственным примером жизни на Руси представителя иноземного "царствующего дома" оставалось пребывание в 1165 г. у галицкого князя Ярослава Владимировича на положении почетного гостя Андроника Комнина, которому "на утешение" было выделено несколько городов, доход с которых шел на его нужды. [43] Здесь ситуация была иной и восходила она, как можно думать, к событиям середины X в.

Наконец, и это особенно интересно, наличие в Киеве XI в. "князя Бояна" с его болгарским окружением позволяет, с одной стороны, видеть в нем причину появления в то время феноменов культуры эпохи царя Симеона, о которых я упоминал выше, а с другой - увязать это с наследием Бояна в "Слове о полку Игореве" и заключенным в поэме пластом "дунайских реминисценций", поскольку трудно представить, что в одно и то же время в Киеве жили два Бояна, так совпадающие по своим "функциональным характеристикам".

Примечания

1. Высоцкий С.А. Надпись о Бояновой земле в Софии Киевской. "История СССР", 1964, № 3, с.112-117.
2. Высоцкий С.А. Древнерусские надписи Софии Киевской XI-XIV вв. Вып. 1, Киев, 1966, с.60-71.
3. Там же, с.64.
4. Там же, с.65. Следует сказать, что граффито, окружающие купчую и предшествующие ее появлению, к сожалению, не содержат явных датирующих признаков.
5. Там же.
6. Там же, с.71.
7. Адрианова-Перетц В.П. "Слово о полку Игореве" и памятники русской литературы XI-XIII веков. Л., 1968, с.14-16.
8. Рыбаков Б.А. Русские летописцы и автор "Слова о полку Игореве". М., 1972, с.415-416.
9. Там же, с.417 и 414. Речь идет о словах Бояна "тяжно ти головы кроме плечю, зло ти телу кроме головы", которые Рыбаков считает обращенными к жене Олега Святославича после возвращения того на Русь в 1083 г. Стоит отметить, что в первом выпуске "Словаря книжников и книжности Древней Руси" (Л., 1987) на с.85 приведена только первая часть цитируемой фразы, что позволило Л.А.Дмитриеву представить утверждение Рыбакова о возможности

отождествления Бояна "Слова..." и Бояна надписи в прямо противоположном смысле. Такая же операция была им проделана и в отношении автора настоящей статьи.

10. Примером могут служить двинские купчие середины ХУ в. Мелентия Ефимовича Чеваки на земли и угодья, купленные им у Онцифора Андроникова, Клементия Панкратова и др. (См. "Грамоты Великого Новгорода и Пскова", М.-Л., 1949, № 179 (с.218) и № 184 (с.221-222)).

11. См. Львов А.С. Лексика "Повести временных лет", М., 1975, с.203.

12. ПСРЛ, т.1. Лаврентьевская летопись. Вып.1, Л., 1926, стб. 46. Примечательно, что в остальном тексте это слово склоняется нормативно.

13. Зализняк А.А. Словоуказатель к берестяным грамотам. В кн.: Янин В.Л., Зализняк А.А. Новгородские грамоты на бересте. М., 1986, с.266-310.

14. Грамоты Великого Новгорода и Пскова..., № 123, с.182.

15. Там же, № 331, с.317.

16. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов, М.-Л., 1950, с.91, 97 и др.

17. Зализняк А.А. Указ. соч., с.267.

18. См. Менгес К.Г. Восточные элементы в "Слове о полку Игореве", Л., 1979, с.80-83; Баскаков Н.А. Тюркская лексика в "Слове о полку Игореве", М., 1985, с.143-146,и др.

19. Дуйчев И. Най-ранни връзки между прьвоболгари и славяни. В кн.: И.Дуйчев. Българско средновековие. София, 1972, с.88.

20. Иречек К. История на българите. София, 1978, с.178.

21. Дуйчев И. Връзки между чехи, словаци и българи. В кн.: И.Дуйчев. Българско средновековие..., с.341.

22. Иречек К. Указ. соч., с.165.

23. Златарски В.Н. История на Българската държава през средните векове, т.I, ч.2, София, 1971, с.495-496.

24. Венелин Ю. Критические исследования об истории болгар. М., 1849, с.263-265; Миллер Вс. Взгляд на "Слово о полку Игореве". М., 1877, с.117-136.

25. Балабанов Н. Стари украино-български литературни отношения. В кн.: Украино-български преглед, ч.I, бр. 5 и 6, 1919-1920; Цундев В. Боянъ Магъосникътъ. София, 1923.

26. Леонид, арх. Откуда родом была св. великая княгиня русская Ольга? "Русская Старина", 1888, июль, с.217.

27. Иловайский Д.И. Вероятное происхождение св. княгини Ольги. В кн.: Д.И.Иловайский. Исторические сочинения, ч.3, М., 1914, с.441-448.

28. "С точки зрения исторической вероятности привод жены к Игорю от болгарского города Плискова понятнее, чем появление Ольги из Пскова, о котором более ничего не известно в X в." Тихомиров М.Н. Исторические связи России со славянскими странами и Византией. М., 1969, с.107.

29. Литаврин Г.Г. Состав посольства Ольги в Константинополе и "дары" императора. В кн.: "Византийские очерки". Труды советских ученых к XVI Международному конгрессу византинистов. М., 1982, с.79.

30. Никитин А. "Аз, Святослав, князь руский..." "Наука и религия", 1991, № 9, с.40-45.

31. См. статьи Б.Ангелова, Э.Георгиева, П.Динекова и М.В.Щепкиной в кн.: Изборник Святослава 1073 года. Сб. статей. М., 1977.

32. См. статью Л.А.Дмитриева "Боян" в кн.: "Словарь книжников и книжности Древней Руси". Вып. I (XI-первая половина XIУ в.). Л., 1987, с.83-90.

33. Никитин А.Л., Филипповский Г.Ю. Хтонические мотивы в легенде

о Всеславе Полоцком. В кн.: "Слово о полку Игореве". Памятники литературы и искусства XI-ХУП веков. М., 1978, с.141-147.

34. Возможно, упоминание "Ивана Янчина" в качестве духовника Янки Всеволодовны дает возможность считать 1086 г., когда Янка была пострижена в Андреевский монастырь и тем самым его функции прекратились, в качестве terminus ante quem для заключения сделки.

35. Словари древнерусского и церковнославянского языка ставят знак равенства между "поп" и "попин" (см. словари И.И.Срезневского, Г.Дьяченко, "Словарь русского языка XI-ХУП вв." и др.). Однако, явное выделение "попина Якима" из числа остальных "попов" заставляет видеть в нем протоиерея. Попытка толкования этого слова С.А.Высоцким и В.П.Адриановой-Перетц более чем произвольна.

36. В русских святцах Боян отсутствует. Повидимому, в качестве священномученика его почитала только болгарская Церковь, откуда сведения о нем попали и в византийскую Церковь. (См. Дуйчев И. Връзки между чехи..., с.341, прим.58).

37. В русских летописных сводах имя "Тудор" отмечено только в середине XII в. (Тудор, воевода галицкий; Тудор Сатмазов, воевода берендеев; Тудор, тиун вышгородский), а имя "Илья" (исключая духовных лиц) за то же до-монгольское время - всего один раз в конце XI в. (Илья, новгородец)(см. Указатели к первым осьми томам Полного собрания руских летописей, изданных Археографической Комиссией. Отдел первый. Указатель лиц. Вып. 1-2, СПб, 1898). В новгородских берестяных грамотах (№№ 561 и 596) имя "Илья" отмечено в XII-начале XIII вв., а вместе с единственным упоминанием "Тудора" (гр. № 348) - в XIII в. (см. Зализняк А.А. Указ. соч.). Наоборот, в Болгарии эти имена принадлежат к наиболее популярным с древности.

38. См. Никитин А.Л. Наследие Бояна в "Слове о полку Игореве". В кн.: "Слово о полку Игореве". Памятники литературы и искусства..., с.112-133; он же. Точка зрения. М., 1985, с. с.198-278.

39. Щапов Я.Н. Государство и церковь Древней Руси X-XIII вв. М., 1989, с.106-107.

40. Словарь русского языка XI-XУП вв., вып. 8, М., 1981, с.59.

41. Семенченко Г.В. Византийское право и оформление русских завещаний XIУ-XУ вв. "Византийский временник", т.46, М., 1986, с.166.

42. См. главу "О послухах" в издании: "Закон Судный людем" краткой редакции. М., 1961, с. 35,41,49,59 и др.

43. ПСРЛ, т.2, Ипатьевская летопись. СПб, 1908, стб.524.